

• РЕТРОМИНИ •

Црча Лобусова

катакомбы Военного спуска

Харьков
«Фоліо»
2020

ГЛАВА 1

*В последнем вагоне. Капризный внук. Слесарь.
«Бетонные боты» Сидора Blondина*

3 января 1930 года

Несмотря на то что окно было забито намертво, гарь оседала на стеклах даже внутри. Стоило лишь прикоснуться рукой, и черные полосы грязи оставались на рукаве. В поездах всегда были грязные стекла.

Черный шлейф копоти из поездной трубы отчетливо просматривался над белыми верхушками деревьев сквозь более прозрачную полоску окна, расположенного как раз под поездной трубой. Еще не стемнело окончательно. Морозный закат покрасил свинцовое, тягучее небо над лесом в цвет снега, точно такого же, какой лежал на ветвях деревьев. Это было

бы невероятно красиво — тающий, черный дым на белом, если б не вызывало тревогу. Это острое чувство, жестокое и внезапное, как спазм, портило все, не только пейзажи за окнами. Тревога, переходящая в страх, душила, как шарф, туго сдавивший горло, не давая сделать ни шагу в сторону. Как в избитой лагерной поговорке: шаг влево, шаг вправо — попытка к бегству. Приравнивалось к расстрелу. Там стреляли без предупреждения. Но здесь... Здесь было страшней.

Здесь, по сравнению с этим растянутым, надсадным чувством тревоги, расстрел казался избавлением — от всего.

Это раньше представлялось, что нет ничего ужаснее черного жерла направленного на тебя ствола, откуда мгновенно могла вылететь пуля. Теперь было ясно и без всяких сравнений, что есть вещи гораздо страшней.

Не успокаивал даже стук колес поезда. Механический, привычный, жесткий, словно кто-то стучал по костяной клавиатуре, созданной из костей невероятного чудовища, он всегда казался предвестником свободы и действовал как возбуждающий энергию напиток. Так было раньше. Но не сейчас.

Сейчас стук колес поезда напоминал стук комьев земли о крышку гроба. И самым страшным было то, что не было никакой ясности, кто именно погребен под этой землей и чей это гроб...

Он остановился у окна, напряженно всматриваясь одновременно в темнеющий проплывающий мимо

пейзаж и в бесконечность пустого большого вагона, где не было ничего, кроме запертых дверей купе. Это умение развили в нем долгие годы бегства, когда расплатой за подобные тренировки была сама жизнь.

Опасность он всегда ощущал шестым чувством, подобно диким зверям, не раз оставлявшим в кровавом капкане клочки собственной шерсти и кожи. И вот теперь это чувство опасности буквально зашкаливало, топило его с головой. Он не мог дышать, не мог сойти с места, не мог вглядываться в глубину пустого коридора без того, чтобы внутри, в самых глубинах памяти, не испытывать болезненный ожог.

Наверное, так случилось потому, что этот поезд тоже был бегством, дорогой из ниоткуда в никуда, на который не продавались билеты, ведь никто не мог предугадать конечную остановку.

Последний вагон. Отправляясь в длительное, особо опасное путешествие, он всегда покупал билет в последний вагон. Это было безопасно — с любой точки зрения. Из последнего вагона всегда был выход в темноту ночи. Можно было выпрыгнуть на рельсы при малейшей опасности, появившейся в глубине коридора, при любом шуме, донесшемся спереди.

Он всегда путешествовал только так, в последнем купе последнего вагона. И эта привычка, которая вырабатывалась долгие годы, не раз и не два спасала ему жизнь.

Однажды он сумел уйти от погони прямо в ледяной тайге, даже без верхней одежды, и шел до утра

по рельсам до ближайшего населенного пункта. Как он не замерз по дороге и ничего себе не отморозил — не понимал до сих пор. Это была невероятная победа — тот долгий путь в ледяной ночи. Он выжил. И, вспоминая об этом, понимал — значит, выживет и теперь.

К тому же здесь не было тайги. Всего лишь степь в Центральной Украине. Поблизости много сел, все они расположены вдоль железнодорожного полотна. И мороз... Ну какой тут мороз, по сравнению с сибирским! Смешно прямо. А значит, ничего не стоит спастись, если будет надо.

Немного успокоившись этой мыслью, он вздохнул поглубже, наполняя легкие сомнительным свежим воздухом. А затем двинулся с места, решительно намереваясь все-таки осмотреть коридор с обеих сторон до конца.

Поезд был переполнен. Из-за закрытых дверей купе доносились громкие голоса. Где-то двери были открыты, и можно было рассмотреть ехавших людей. Они сидели на нижних полках, лежали на верхних, ели какие-то припасы, содрав с них газету, резались в карты или домино, рассказывали друг другу длинные бородастые анекдоты в попытке убить километры пути, сделать их более незаметными, приближенными к собственной, примитивной сущности, не понимая и не принимая, что дорога властвует над всем. Безраздельно правит в этом замкнутом пространстве, царящем над жизнями людей, как жестокий первобытный властелин.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	3
В последнем вагоне. Капризный внук. Слесарь. «Бетонные боты» Сидора Блондина	
ГЛАВА 2	18
Канун Рождества. Новый виток романа. Деньги под абажуром. Беда Тучи	
ГЛАВА 3	32
Осмотр места преступления. Лист школьной тетрадки. Разделяй и властвуй. Вскрытие	
ГЛАВА 4	47
Мороз в Крыжановке. Одинокая женщина. Старинная икона. Вопрос жизни	
ГЛАВА 5	62
Чужой мир катакомб. Крыса? Взрыв. Масти блатных	
ГЛАВА 6	79
Сход. Старые воры. Оправдание Тучи. Найти «крысу»	
ГЛАВА 7	95
Волшебная комната. Куклы. Вдова чекиста. Золото	
ГЛАВА 8	109
Допрос подруги. Чужие драгоценности. Вывод Володи. Цикл статей	

ГЛАВА 9	127
«Рыбачий приют». Штырь и Архангел. Расстрел.	
Разговор со старым рыбаком	
ГЛАВА 10	142
Визит Тани. Режиссер Шаховский.	
Интересное предложение. Раздел воров	
ГЛАВА 11	160
Рассказ Петренко. Лагеря большевиков.	
Титулы «законников». Понятия	
ГЛАВА 12	175
Воспоминания о тюрьме. Правила выживания.	
Касты заключенных. «Черные» и «красные» зоны	
ГЛАВА 13	190
Воровской закон. Группы в тюрьме.	
Касты и масти. Правила для отверженных	
ГЛАВА 14	204
Поминки по другу. Два Архангела. Конец	
семейной жизни Тучи. Смерть Изольды Франц	
ГЛАВА 15	221
Похороны одинокой подруги. Встреча с Шаховским.	
Индустриализация. В «Аккорд» с режиссером	
ГЛАВА 16	236
Допрос свидетелей. Внимательная бабушка. Гениальная	
идея Палача. Ужин с Шаховским. Самозванец	
ГЛАВА 17	251
Визит к лже-Шаховскому. Татуировки.	
Архангел — Шахов. Неудачная ночь	
ГЛАВА 18	264
Глупость Цыпы. Печаль о старом мире. Смерть вора	
ГЛАВА 19	278
Цветы для Цыпы. Улика. Допрос женщины. Сувенирная	
лавка. Племянник Гасана. Увядающий букет	
ГЛАВА 20	295
Ненависть соседей. Признание Тучи. Возвращение	
Мейера Зайдера. Махинации Зайдера. Коллективизация	

ГЛАВА 21	312
Кулаки и раскулачивание. Спецпереселенцы. Народные бунты. Предложение Зайдера. Голос Тани	
ГЛАВА 22	326
Неожиданное опознание. Разговор с начальством. Катакомбы Военного спуска. Признание Гасана — одно убийство раскрыто	
ГЛАВА 23	343
Слова друга. Страшная угроза. Разрушенное волшебство. Смерть Петренко	
ГЛАВА 24	358
Фальшивые татуировки — правда. Статья Володи. Последние слова Петренко. Признание Тани	
ГЛАВА 25	366
Тетрадь в клеенчатом переплете. Ограбление цветочного магазина. Странный убийца. Тайна ОГПУ. Появление Призрака	
ГЛАВА 26	386
Розы и сход. Сон Тани. Единственная любовь. Взрыв в катакомбах. Последняя улыбка	
ЭПИЛОГ	404
Отъезд Володи Сосновского. Убийство Зайдера. Конец эпохи.	